

Хатынь : черное пепелище, поседевшее от горя

В прошлом году Государственный мемориальный комплекс «Хатынь» и его филиалы посетили 226.926 человек

Есть в мире вещи, простые и понятные всем: теплый, уютный родной дом, труд, приносящий удовольствие и удовлетворение, благополучная семья, здоровые, умные дети, резвящиеся под чистым небом. Забери у каждого из нас все это, что останется? «Раскіданае гняздо». Пепелище. Такое, как в Хатыни и тысячах других белорусских деревень и поселков, ставших жертвой безумной ненависти и ненасытной кровожадности гитлеровского нацизма в годы Великой Отечественной войны. Черное пепелище, поседевшее от горя.

75 лет миновало со времени хатынской трагедии, но ту боль невозможно до конца выплакать и по сей день. Это боль сердец, боль каждого белорусского дома. В прошлом году Государственный мемориальный комплекс «Хатынь» и его филиалы посетили 226.926 человек. Граждане более чем шести десятков государств мира почтили память безвинных хатынских жертв – детей, женщин, стариков... Здесь молча склоняли головы президенты и крестьяне, ученые и священнослужители, военные и школьники, дипломаты и депутаты... Люди мира.

Мы говорим о том, что скорбный звон колоколов Хатыни превращается в пронзительный набат–предупреждение, язык которого не требует специального перевода. Но все ли слышат его? И какие уроки выносят из прошлого? Что еще можно и нужно сделать, чтобы судьба Хатыни никогда больше не повторилась? Об этом в конференц–зале «СБ» вели дискуссию Артур ЗЕЛЬСКИЙ, кандидат исторических наук, директор Государственного мемориального комплекса «Хатынь»; Татьяна ПОДОЛЯК, кандидат филологических наук, доцент Института журналистики БГУ, автор книг «Нашчадкі вогненных вёсак», «Вайна – самы страшны грэх»;

Наталья КИРИЛЛОВА, координатор проекта Белорусского фонда мира в партнерстве с Национальным архивом Беларуси «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны»; Вячеслав СЕЛЕМЕНЕВ, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального архива Беларуси; Владимир АДАМУШКО, кандидат исторических наук, архивист, автор сборников материалов по трагедии Хатыни. Модератором дискуссии стал Вадим ГИГИН, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета философии и социальных наук БГУ.

В.Гигин: Совсем скоро, 22 марта, исполняется 75 лет с того дня, когда гитлеровские каратели сожгли белорусскую деревню Хатынь. И сегодня мы хотим не только напомнить о происходивших страшных событиях, но и поговорить о том, что еще необходимо предпринять для сохранения исторической памяти.

Итак, Хатынь... О судьбе этой небольшой деревни на Логойщине написано немало. Кажется, мы знаем о случившемся практически все. Первая информация о трагедии появились в партизанской печати еще во время войны. Затем на протяжении десятилетий летопись трагедии пополнялась новыми подробностями. Что скрывать, появились и многочисленные домыслы, спекуляции на эту тему.

Н.Кириллова: Вокруг хатынской трагедии всегда шло много разговоров. К сожалению, и домыслов возникало немало. Чего только не говорили – особенно после развала Советского Союза. Обвиняли кого угодно: то Хатынь сожгли войска НКВД, то деревню уничтожили партизаны, то местные полицаи. И самое печальное: все это звучало как некое оправдание нацизму, совершенному преступлению. Но Хатынь – наша вечная боль! И спекуляции здесь недопустимы. Белорусский народ под оккупацией не сломился, не склонился перед врагом, не стал жить по законам, которые вводили фашисты.

К сожалению, в 90–е годы мемориал пережил настоящий мертвый сезон – поток посетителей резко сократился. В киосках возле комплекса продавали муку, крупу и водку. Представьте, туристы,

которые хоть и редко, но заезжали в «Хатынь», видели весь этот кошмар! Потом нам удалось договориться с местной властью и прекратить такую торговлю в святом месте. Более того, комплексу передали эти киоски, и Леонид Левин выполнил специальный архитектурный проект, чтобы на полученной площади разместить фотодокументальную экспозицию. Кстати, очень востребованную. Выросло новое поколение, для которого недостаточно рассказывать о трагедии Хатыни лишь языком архитектуры и пластики, нужно привлекать документы.

Переломным моментом стало посещение мемориала «Хатынь» Александром Лукашенко в 1998 году. Я в то время работала директором комплекса и вместе с Александром Григорьевичем обошла весь мемориал. Глава государства побывал в каждом уголке комплекса. Возрождение мемориала стало его личным делом...

В.Гигин: Добавлю, что в 2004 году в мемориальном комплексе «Хатынь» прошел Республиканский субботник–акция.

Н.Кириллова: Да, началась широкомасштабная реконструкция с элементами реставрации. Александр Лукашенко четыре раза приезжал в «Хатынь» и всегда напоминал, чтобы работы велись максимально бережно, аккуратно.

В.Гигин: Президент и сам трудился на реконструкции, а средства от Республиканского субботника были направлены на восстановление памятников Великой Отечественной войны.

Н.Кириллова: После окончания реконструкции в «Хатыни», 1 июля 2004 года, прошла памятная церемония с участием трех президентов – Беларуси, России и Украины.

В.Гигин: Спасибо за этот важный экскурс в недавнюю историю. Предлагаю напомнить общую картину нацистского геноцида на белорусской земле. Сколько всего деревень было сожжено оккупантами в годы войны в Беларуси?

[К 75-летию уничтожения Хатыни](#)

В.Селеменев: Более 9 тысяч. Но с подсчетами и деталями не все так просто. Когда в сентябре 2010 года начался международный проект «Повышение статуса спасшихся жителей сожженных деревень», Национальный архив взял на себя его научное сопровождение, и мы совместно с Белорусским фондом мира решили создать электронную базу уничтоженных белорусских деревень. За основу приняли списки, опубликованные в 1984 году, где указано 5.295 поселений. И сразу появились вопросы. Среди главных: 5.295 деревень уничтожены полностью с населением или частью его? Выяснилось также, что более тысячи деревень из списка сожгли без людей. Мы увидели, что имевшиеся данные требовали уточнения.

Когда создавался мемориальный комплекс «Хатынь», Бюро ЦК КПБ поставило перед местными партийными органами задачу составить списки сожженных деревень. Эту работу выполнили, и результаты утвердили специальными постановлениями по каждому району, даже по сельсоветам. Так и получилась цифра в 5.295 деревень. Сегодня же в нашей электронной базе 9.093 населенных пункта. Но и это число неокончательное. Ведь у нас нет довоенных списков деревень. Мы не можем сказать, сколько точно находилось их в каждом данном районе и каковы были эти поселения. Если по западным областям еще сохранились некоторые документы, то с восточными проблема. Пример: деревня Загорье Логойского района уничтожена во время проведения карательной операции «Котбус» в 1943 году. А известный краевед Александр Павлюкович говорит: «Не существовало такой деревни». Я ему отвечаю: «Вот документ!» Павлюкович поехал на место. И действительно, деревню уничтожили оккупанты, но никаких следов не осталось. Вообще никаких! Пока не начали целенаправленно искать, опрашивать свидетелей.

В связи с этим отмечу еще один принципиальный момент. К огромному сожалению, у нас сегодня нет ни одного фундаментального научного исследования по проблеме сожженных деревень.

В.Гигин: Наверное, поэтому часть работы историков берут на

себя журналисты, как сделала это Татьяна Подоляк.

Т.Подоляк: Темой сожженных деревень я начала заниматься, когда пошел поток фальсификаций, стали появляться некие «авторские» версии, переворачивавшие с ног на голову нашу историю. Причем многочисленные историографические новации сделались предметом реальной информационной борьбы и даже войны. Прослеживаются тенденции реабилитации нацизма, героизации коллаборационистов. Чтобы противостоять историческому подлогу и моральному беспределу, через газету «Звезда» мы обратились к свидетелям трагедий сожженных деревень с просьбой откликнуться, чтобы документально засвидетельствовать правду войны. В 1975 году вышла книга «Я з вогненнай вёскі...» Алеся Адамовича, Янки Брыля и Владимира Колесника. Но прошли десятилетия, и в XXI веке остались уже последние свидетели, в войну они были детьми и подростками. Скажу честно, я не ожидала, что получу настолько активный и мощный отклик от очевидцев жутких военных событий из всех регионов Беларуси – беспрецедентная обратная связь. Воспоминания свидетелей нацистских преступлений подтверждают, что на территории Беларуси немецко-фашистские оккупанты вели войну на уничтожение, целенаправленная нацистская политика геноцида стала нашей национальной трагедией. Эти материалы, трагические повествования публиковались на страницах газеты «Звезда», а впоследствии были объединены в книге «Нашчадкі вогненных вёсак», которая также имела широкий резонанс. Не случайно многие районные газеты подхватили идею и стали публиковать воспоминания своих земляков. Это и есть живая история.

Говорят, у каждого своя правда. Не знаю, возможно. Но всегда есть истина, а она одна.

В начале 30-х годов, когда Гитлер пришел к власти, у философа и публициста Освальда Шпенглера спросили, когда начнется новая мировая война. Он ответил: лет через 20 после окончания предыдущей – надо, чтобы появилось поколение, которое забудет все ужасы прежней войны. Мир заплатил высокую цену за преступления нацистов, события Второй мировой войны не должны

повториться. Поэтому необходимо сделать все возможное, чтобы и после ухода поколения непосредственных свидетелей память о трагедии не померкла. Иначе новая страшная война ступит на порог нашего дома.

[В свет вышел альбом «Ветка. История старообрядчества»](#)

И еще одно замечание. Помню, первый раз ездила в «Хатынь» школьницей, вместе с родителями. Тогда по выходным дням к мемориалу ходили автобусы – не только из Минска, но из областных и районных городов. Сейчас придется брать такси или записываться на специально организованную экскурсию, что стоит недешево. Думаю, даже самое великое дело лучше начинать с малого. В нашем случае надо создать условия, чтобы обычная семья имела возможность свозить своих детей в выходной день или на каникулах к мемориалу в Хатыни.

В.Гигин: Что ж, давайте поставим этот вопрос на страницах столь влиятельной газеты официально.

А.Зельский: Проблема назрела. В 2015 году еще ходил автобус. Сегодня нет.

В.Гигин: Артур Гарриевич, мы видим, что по–прежнему появляются публикации по Хатыни на уровне псевдосенсаций. Наверняка вам приходится реагировать на подобные выпады.

А.Зельский: В нашей беседе уже прозвучал вопрос: все ли нам известно по Хатыни? Я считаю, по Хатыни на сегодняшний день известно практически все. Выполнена реконструкция произошедшего, установлена хронология. Установлены фамилии палачей–исполнителей. Хотя, конечно, остаются некоторые вопросы без ответов, что очень досадно. До сих пор неизвестна судьба майора Эриха Кернера – командира 118–го батальона, а также Артура Вильке, начальника команды СД Логойского района, – скорее всего, именно он отдавал приказ об уничтожении деревни. Мы узнали, что в Германии живут родственники того самого олимпийского чемпиона, любимца Гитлера Ханса Вёльке, из–за убийства которого вроде бы и сожгли Хатынь. Но на самом

деле глубинная причина трагедии далеко не в смерти Вёльке. Главное – проводившаяся целенаправленная политика геноцида местного населения на белорусских землях.

Н.Кириллова: В соответствии с немецким планом «Ост», согласно которому в Беларуси осуществлялась колониальная политика, здесь должны были жить немцы, причем наиболее привилегированные слои общества. В фотодокументальной экспозиции нами была представлена карта колонизации, где показано, сколько немцев предполагалось переселить в города Беларуси, сколько оставить коренного населения в качестве рабов.

А.Зельский: Сегодня еще живы два непосредственных свидетеля трагедии Хатыни – Софья Яскевич и Виктор Желобкович. Мы часто навещаем Виктора Андреевича, и он не отказывается поделиться воспоминаниями, хотя для него подобные экскурсии в прошлое всегда болезненны. Удивительно, но до сих пор всплывают новые поразительные детали: например, многие дети оказались раздетыми, бежали по снегу босиком. Тот черный день выдался солнечным, но еще лежал снег, текли ручьи.

[Обозреватель «СОЮЗа» побывал там, где столетие назад был подписан Брестский договор](#)

В.Гигин: Сейчас установлено, что трагедия Хатыни еще масштабнее, чем полагали ранее...

А.Зельский: Да, с помощью опять–таки Александра Павлюковича известно о связанном с хатынской трагедией расстреле 26 козыревских лесорубов. О той «экзекуции» подробно рассказывала «СБ» год назад. Планируется установить мемориальный знак на месте расстрела людей. Логойский райисполком нашу инициативу поддерживает.

Кроме того, хочу напомнить: в 2019 году исполняется 50 лет мемориальному комплексу «Хатынь».

В.Гигин: И годовщина трагедии, и предстоящий юбилей

мемориального комплекса – повод обсудить значение тех событий для патриотического воспитания, нашего национального самосознания.

В.Адамушко: Патриотическое воспитание в Беларуси должно строиться не только на военном, фронтовом героизме. Мы склоняем головы и перед памятью мучеников среди мирного населения Беларуси – детей, стариков. Война – это убийства, война – это страшно, война – это тупик.

За прошедшие годы для сохранения исторической памяти много сделано белорусской архивной службой. Артур Гарриевич сказал, что сегодня по Хатыни известно практически все. Соглашусь с ним, процентов 99 – точно. Но прав и Вячеслав Дмитриевич. У нас до сих пор нет ни одного масштабного научного исследования по теме сожженных деревень. Что для Беларуси непростительно. Именно эту нишу закрыли архивисты. Вышли сборники документов и материалов: «Хатынь. Трагедия и память», «Хатынский некрополь», посвященный кладбищу в Хатыни, «Хатынская Стена памяти», «Хатынь. Дерево жизни». Архивисты документы опубликовали, теперь дело за историками: берите – исследуйте. Поэтому сегодня задача и наших исторических факультетов вузов, и Института истории Национальной академии наук вернуться к теме.

Мемориал в Хатыни должен стать национальным центром, где можно почтить память всех жертв нацистского геноцида. Не всегда в семьях известно, где погибли их родственники. Уже и деревень тех нет на карте. А мемориальный комплекс «Хатынь» есть.

[Ученые из Беларуси и России говорили в Москве о нашей общей истории](#)

А.Зельский: «Хатынь» – памятник общей трагедии Беларуси в годы войны. Памятник всем нашим людям, вне зависимости от их национальности, вероисповедания. Всем без исключения.

В.Селеменев: Что касается деталей уничтожения Хатыни. Действительно, из документов четко видно, что и как там

происходило. Тем не менее появляются публикации, где все вывернуто наизнанку. Васюру делают самым главным в уничтожении Хатыни. Но у него был немецкий шеф! Командовали немцы, которые выдерживали дистанцию с подчиненными коллаборационистами. Да, 118-й батальон состоял из украинских «западников» – в основном из бывшего Буковинского куреня. Плюс добровольцы – молодежь из Киевской области и советские военнопленные. Российские историки нашли в Национальном архиве Соединенных Штатов донесение батальона Дирлевангера об участии в сожжении Хатыни. Там четко написано: на операцию выезжала немецкая рота. Батальон Дирлевангера состоял из трех рот: две роты коллаборационистов – русские, белорусы, украинцы и одна рота – чисто немецкая. В Хатыни действовал и украинский взвод. В августе 43-го многие из этих карателей перешли на сторону партизан и спокойно жили до 1961 года. Тогда их судили здесь, в Беларуси. Остальные практически ушли от ответственности. Причем у нас в архиве хранится уголовное дело на одного военнослужащего батальона, который с этим подразделением прошел весь его кровавый путь: от так называемой команды браконьеров «Ораниенбург» до 45-го года, когда батальон превратился в дивизию СС Дирлевангера. Судя по всему, этот человек был и в Хатыни.

В.Гигин: Раньше говорили так: немецко-фашистские оккупанты и их пособники уничтожали советских граждан. Сейчас начинается детализация: нет, это не немцы делали, это делали литовцы, латыши, украинцы, казаки, белорусы, татары... Целый интернационал. В результате смены терминологии и манипуляции некоторыми деталями вина нацистов как бы размывается, в политических целях тень преступлений бросается на целые народы.

Н.Кириллова: Нацизм не имеет национальности.

В.Селеменев: Каратель – он и есть каратель. И все!

[В Витебске появится интерактивный центр живой истории с элементами средневекового поселения](#)

В.Гигин: Действительно, нацизм не имеет национальностей, и в состав того же вермахта входили не только немцы. Но проводилась общая политика геноцида, организованная немецко-фашистским руководством. Осуществлялась преступная политика нацизма, направленная на уничтожение людей. И если кто-то делает акцент на национальности убийц, то вольно или невольно выполняет программу нацистов, ставивших в том числе задачу разделить, рассорить народы.

В.Селеменев: Мы сейчас подготовили сборник документов под названием «Разложение антисоветских воинских и полицейских формирований в Беларуси». Об этом мало говорят, но немцы испытывали трудности с набором людей для использования в карательных операциях. Поэтому с 42-го года практиковали вербовку в такие подразделения советских военнопленных. Причем буквально загоняли в них. Например, приезжают в лагерь, выстраивают военнопленных и предлагают идти к ним служить. Все отказываются. Тогда расстреливают каждого десятого. И опять выстраивают, спрашивают: кто пойдет служить? Кое-кто соглашался в надежде потом бежать. Но находились, конечно, и добровольцы. В связи с тем, что такая работа приобрела значительный масштаб, советское руководство, в свою очередь, 6 ноября 1942 года приняло директиву по разложению антисоветских формирований, что стало одним из ведущих направлений для партизанских соединений.

В.Гигин: Нацизм вне национальности, безусловно. Но иногда звучит и такое: мол, немецкая сторона ни при чем, это, дескать, у вас шла гражданская война, вы воевали между собой, сами себя убивали, а немцы просто пришли и смотрели на вас сквозь пальцы. Да все эти васюры, каминские и иже с ними и шагу не могли ступить без высшего немецкого командования... Татьяна Владимировна, вы беседовали с очевидцами трагедий, в своих рассказах они делали акцент на национальностях карателей?

Т.Подольяк: Скажу так: в тех экстремальных условиях люди замечали только внешнее – форму, человека в форме, видели

эсэсовские знаки.

Знаменитый белорусский писатель Василь Быков в своих произведениях очень тонко раскрывал психологию войны. Можно вспомнить в связи с этим повесть «Сотников», один из героев которой, Рыбак, хитрый такой человек, думает: соглашусь, пойду на услужение к нацистам, а там видно будет... Но он не знает, что руки будут в крови у каждого, кто соглашается на сделку с совестью, на предательство. Режиссер Лариса Шепитько этот драматизм экзистенциального морального выбора – смерть или предательство – очень точно исследовала–отобразила в снятом по повести фильме «Восхождение».

[К 75-летию уничтожения Хатыни](#)

В.Гигин: В последнее время некоторые авторы буквально кричат: вот не было бы партизанских акций, сидели бы белорусы тихо, не происходило бы и таких трагедий, как хатынская. Что, во всем виноваты партизаны? Как к этому относиться?

В.Адамушко: Надо отталкиваться от того же плана «Ост». Гитлеровцы хотели уничтожить практически 80 процентов белорусов, остальных угнать в Германию, молодежь в первую очередь, и превратить в рабов. Неправда, что, если бы не было партизанских акций, никого не тронули бы. Оккупанты выполняли свою работу по планомерному уничтожению нашего населения, методично двигались к запланированным процентам, к своей цели – ликвидации белорусской нации. Происходил запланированный геноцид.

А.Зельский: Гитлер говорил: партизанское движение дает великолепный предлог для уничтожения лишнего населения.

В.Гигин: Вообще такие слова, как «уничтожение», «ликвидация», нацисты предусмотрительно употребляли крайне редко. Они предпочитали эвфемизмы: «окончательное решение еврейского вопроса», «особое обращение» вместо «уничтожения», «эвакуация» вместо «депортации». Сознательно уничтожали документы, свидетельствовавшие о политике и практике геноцида. Протокол

Ванзейской конференции 20 января 1942 года, на которой и было принято то самое «окончательное решение», уцелел чудом. Генеральный план «Ост» сохранился только фрагментарно.

К сожалению, так сложилось, что в мире знают Аушвиц, но даже не слышали о Тростенце, чтут память Лидице и Орадура, но не представляют, где расположена Хатынь. Почему? Ведь во время войны Беларусь попала в эпицентр нацистского террора. Что нужно сделать, чтобы не только следующие поколения наших граждан, но и в странах мира знали и помнили о трагедии белорусской земли?

Н.Кириллова: Несколько раз я участвовала в мемориальных акциях в Лидице – уничтоженной фашистами деревне в Чехии. И наблюдала, как выстраиваются в длинный ряд зарубежные дипмиссии, чтобы возложить свои венки памяти. Церемония длилась несколько часов! Картина была потрясающая, трогательная. Но одной общенациональной акцией дело не исправишь. Работать надо постоянно.

Белорусский фонд мира совместно с Национальным архивом Беларуси много делает для сохранения памяти жертв Великой Отечественной войны. В рамках выполняемых Белорусским фондом мира международных проектов «Повышение статуса спасшихся жителей сожженных белорусских деревень, 1941 – 1944 годы» и «Социальная поддержка людям, выжившим в сожженных белорусских деревнях 1941 – 1944 годов» создана и работает в интернете электронная база «Белорусские деревни, уничтоженные в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1944 годы». В электронной базе на сегодняшний день содержатся сведения о 9.093 сожженных нацистами белорусских деревнях.

Проводится работа с берлинской благотворительной организацией «KONTAKTE – КОНТАКТЫ», которая направляет выжившим жителям сожженных белорусских деревень письма, где просит прощения за преступления, совершенные войсками вермахта на белорусской земле. Эти письма и материальную помощь получили около 2.000 жителей сожженных белорусских деревень. Мы постоянно

поддерживаем уже немолодых и столько переживших людей, помогаем им организовать досуг и отдых. Парадоксально, но спасшиеся жители сожженных деревень не имеют статуса жертв фашизма. Сейчас в списках около 9.000 человек – жертв и свидетелей сожжения деревень, с каждым днем их становится все меньше. Хотя снова приходится говорить о приблизительной цифре, поскольку ранее не велось специального учета.

[Один из авторов «Хатыни» Юрий Градов об истории проекта, ошибках современных архитекторов и возможностях дизайна](#)

В.Адамушко: Очень важно, что в стране уделяется внимание международным проектам. И хорошо, что многие из них ориентированы на молодежь.

Хочу остановиться еще на одном моменте. Кому сегодня подчинена «Хатынь»? Изначально подразумевалось, что мемориал станет филиалом Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Однако, думается, место памяти такого значения должно иметь самостоятельный общегосударственный статус и финансироваться из республиканского бюджета. «Хатынь» заслуживает быть национальным мемориалом как один из символов нашей национальной истории.

В.Селеменев: К вопросу о том, чем увлечь молодежь. В «Хатыни» увековечено 619 деревень. Но о большинстве из них, кроме названия и даты уничтожения, ничего неизвестно. Почему бы в районах, где располагались эти деревни, не привлечь школьников к исследовательской, поисковой работе? На местах ведь можно много чего сделать.

Т.Подоляк: Надо идти в школы, работать совместно с министерствами образования и информации. Нельзя сбрасывать со счетов такой мощный информационный инструмент, как детально продуманная и талантливо подготовленная социальная реклама – не только в телеэфире, но и на популярных у молодежи интернет-ресурсах. Тем более в следующем году будем отмечать 75-летие освобождения Беларуси от немецко-фашистских

захватчиков.

В.Адамушко: Можно было бы 1 сентября проводить специальные уроки памяти, приуроченные к конкретным памятным датам.

В.Гигин: Да, формы и варианты воспитательной, историко–патриотической работы возможны разные. Главное – сохранить национальную память у последующих поколений. Это по–настоящему дело государственной важности. Спасибо «СБ», что она его так активно поддерживает. Спасибо всем участникам нашего сегодняшнего круглого стола.

[СБ](#)